

СУБЪЕКТНО-АДРЕСАТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РАННЕМ НЕМЕЦКОМ ПРОЗАИЧЕСКОМ РОМАНЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДИСЛОВИЙ)

Изучаются средства и способы текстового воплощения субъекта речи и изображения адресата в предисловиях к немецким прозаическим романам XVI в. В результате выявляются многообразные формы субъектно-адресатных отношений. Данные формы представляются в виде бинарных оппозиций по параметрам: самореференция субъекта речи; противопоставление внешнего и внутреннего субъектов речи; прямые / дистантные отношения субъекта речи и адресата; степень имплицитного представления субъекта речи и адресата.

Ключевые слова: субъектно-адресатные отношения; субъект речи; адресат; ранний немецкий прозаический роман; паратекст.

Коммуникативно-прагматический подход к тексту выдвигает в центр лингвистического исследования проблему взаимодействия субъекта речи и адресата¹; принципов и постулатов, этикетных норм, организующих их отношения, форм данных отношений и присущих этим формам функций. В связи с таким подходом наиболее отчетливо ощущается необходимость учитывать принадлежность текста к конкретному историческому периоду, дискурсу или жанру, что объясняется детерминированностью речевого взаимодействия социокультурным контекстом (см. концепцию историчности речевых актов: [2, 3]). Среди отечественных исследований с такой постановкой проблемы должны быть названы работы по исторической прагматике, выполненные на кафедре немецкой филологии СПбГУ (см.: [4–7]). Данные исследования посвящены изучению коммуникативно-прагматических особенностей ранней письменной традиции.

Среди работ, затрагивающих прагмалингвистический аспект дискурсных и / или жанровых признаков текста, следует отметить докторскую диссертацию Н.Н. Пелевиной [8]. В работе изучаются формы речевой реализации автора и средства текстовой фиксации как его когнитивных, так и коммуникативно-прагматических установок в научной и художественной коммуникациях в сопоставительном аспекте. В качестве материала исследования выступают немецкоязычные тексты XX – начала XXI в.

Предпосылкой исследования О.Н. Гронской «Субъект в фантастическом дискурсе (на материале немецкой сказки)» выступает идея о том, что «в разных типах текста одной формы коммуникации и тем более в разных формах коммуникации образ автора реализуется по-разному» [9. С. 6]. В монографии изучаются средства текстовой реализации субъекта (совокупного текстового субъекта, включающего автора / повествователя, читателя, персонажа), исходя из специфики фантастического дискурса, представленного народными и литературными сказками. В связи с этим экспликация субъекта в сказочном тексте осуществляется на границе хронотопных систем реальности и фантастики. Другой формой экспликации выступает фиктивный диалог автора с читателем. Имплицитно субъект репрезентируется посредством личного имени и топографии, выступающих в сказоч-

ном пространстве в качестве носителей определенно-го образа мира, а также задается ритмом и графикой.

В тесной связи с жанровой спецификой текста в статье Л.М. Бондаревой «Фактор субъектной адресованности в текстах мемуарного типа (“Литература воспоминаний” в свете прагмалингвистики)» изучаются типы «фиктивного» читателя (наррататора) [10]². Исследование проводится на основе текстов мемуарного жанра, определяемых как «субъективированные беллетризованные нефикциональные тексты, в основе которых лежит ретроспективно направленная когнитивная деятельность повествующего субъекта, реконструирующего факты прошлого опыта и идентичного реальной исторической личности автора воспоминаний» [Там же. С. 27]. В результате определяются три формы проявления базового отношения *автор – «фиктивный» читатель*, соотносимые с характерными для жанра воспоминания тремя типами «контактного» повествователя. Так, типу «в меру контактного» повествователя соответствует тип читателя-«спутника», типу «естественно контактного» повествователя – тип читателя-«собеседника», типу «чрезвычайно контактного» повествователя – тип-портрет читателя-«друга» [Там же. С. 33].

Отдельно в связи с фактором адресата необходимо отметить исследование М.А. Олейник «Адресат и диалогическая языковая картина мира: концепция взаимоотношенности» [12]. Материалом для работы послужили немецкоязычные тексты IX–XXI вв. В качестве отправного исторического периода принимается письменная традиция XVI в. по причине его переходной роли в развитии жанров, заключающейся, прежде всего, в деактуализации текстов о житиях святых и в формировании приоритета тривиальной литературы [Там же. С. 7–8, 10]. В работе впервые подробно рассматривается адресатный план свертых пространств, в том числе паратекста (заголовки на титульных листах, посвящения, предисловия).

На основе представленного выше обзора исследований можно говорить о том, что в настоящее время накоплен существенный опыт изучения текстовой коммуникации при обращении к отдельным историческим эпохам, сферам коммуникации и жанрам. Однако наблюдается качественная и количественная неравномерность в степени изученности субъекта речи и адресата. Приоритет, как правило, отдается

одной из сторон. Текстовые параметры второй стороны привлекаются в зависимости от первой (например, [8, 12]). Кроме того, на примере исследования Н.Н. Пелевиной, а также М.А. Олейник очевидно то, что необходимы дальнейшие конкретизация и уточнение полученных результатов, в том числе в отношении ранних письменных эпох, где тексты являются единственным источником речевого материала.

Цель настоящей статьи – анализ средств текстового воплощения субъекта речи (автора) и изображения адресата (читателя) на уровне паратекста немецких прозаических романов XVI в. В качестве конкретного объекта исследования выступают предисловия к романам. Таким образом, **новизна** настоящего исследования заключается, во-первых, в комплексном подходе к текстовой коммуникации при последовательном рассмотрении сторон как субъекта речи, так и адресата в их взаимосвязи друг с другом. **Новым** является также то, что проводимое исследование позволяет как конкретизировать уже имеющийся материал об адресатном плане предисловия XVI в. при специальном обращении к прозаическим романам, так и выявить с этой точки зрения своеобразие презентуемого данными текстами особого позднесредневекового жанра.

Актуальность настоящей работы обусловлена, во-первых, антропоцентрической направленностью современной лингвистической парадигмы, во-вторых, междисциплинарным характером проводимого исследования. Исследовательский контекст образуют: 1. Историческая прагматика (см.: [2, 3]). 2. Исторический синтаксис (см.: [13, 14]). 3. Лингвистика текста (см.: [15, 16]), в частности лингвистическая теория жанров текста (немецкий термин *Textsortenlinguistik*³). 4. Нарратология (см.: [1, 17]).

В качестве материала исследования выбраны прозаические романы «Ein kurtzweilig Lesen von Dyl Ulenspiegel <...>» (1515 г.), «Melusine» (1587 г.) и «Lalebuch» (1597 г.). Как известно, термин «прозаический роман» не является исходным жанровым обозначением данных текстов и, как и термин Герреса «народная книга»⁴, представляет научный конструкт⁵. Под ранними немецкими прозаическими романами понимаются «крупные прозаические повествовательные произведения или циклы рассказов, как правило, развлекательного характера, возникшие в XV–XVI вв. на основе фольклорных текстов, (переводных) литературных источников и с открытием книгопечатания получившие распространение в виде простых, дешевых изданий, которые вплоть до XIX в. пользовались успехом в широкой читательской среде» [18. С. 1]. В связи с этим при прагмалингвистическом исследовании художественной коммуникации Позднего Средневековья становится важным охватить разные грани данного временного периода, учитывая, тем самым, все конституации. Данная установка определила отбор материала исследования: названные тексты относятся к развлекательной литературе для третьего сословия, вместе с тем они значительно отличаются друг от друга по происхождению, демонстрируя вместе три основных пути возникновения текстов данного жанра. Так, роман «Melusine» является переводом-

адаптацией французского рыцарского романа «Ein kurtzweilig Lesen von Dyl Ulenspiegel <...>» – прозаической переработкой стихотворных шванков, роман «Lalebuch» представляет оригинальную немецкую художественную прозу.

Ниже приводится анализ предисловий романов.

Предисловие к роману «Melusine» принадлежит перу его автора-переводчика – Тюрингу фон Рингольтингену. В современном переиздании романа по сборнику «Buch der Liebe» Зигмунда Фейерабендта 1587 г. данный текст приводится отдельно в рамках критической статьи в конце книги (см.: [20]).

Графически текст представлен в виде двух частей. Первая часть начинается с инклюзивного обозначения субъекта речи и адресата посредством местоимения 1 л. мн.ч. *unß: Dûß Aventürlich büch bewiset unß von einer frowen genant Melusine <...>* [Там же. С. 148]. Прагматическая нагрузка такого способа референции заключается в том, что субъект речи позиционирует себя как находящегося в одном времени-пространстве с адресатом и устанавливает с ним паритетные отношения, приписывая себе также статус адресата (так как референция осуществляется в форме дат. пад. – специализированного средства адресации⁶). В остальных высказываниях этой части текста субъектно-адресатные отношения представлены имплицитно⁷.

В отличие от первой, информационной части, в которой кратко повествуется о героях романа, во второй части автор стремится убедить читателя в реальности изображенных в романе героев и событий⁸, о чем он заявляет открыто и в связи с чем особым образом организует свои отношения с читателем. Так, самопредставление автора как субъекта речи осуществляется в виде развернутой именной группы, состоящей из местоимения 1 л. ед. ч. в им. пад., личного и родового имен и сведений о происхождении: *<...> ich Turing von Ringgoltigen von bern uß öchtland ein zu mol selzen und gar wunderlich frömde Hystorien funden in franckzoysen sprach und welscher zungen <...>* [20. С. 148]. Развернутая референция служит для однозначного отождествления читателем субъекта речи, изображенного в тексте (внутреннего субъекта речи, или нарратора), с самим автором предисловия и романа (внешним субъектом речи). Намеренное уравнивание данных коммуникативных инстанций позволяет автору подчеркнуть реальный, непосредственный характер своего речевого взаимодействия с читателем и убедить его в правдивости сообщаемого им о романе в рамках предисловия.

В конце текста, в прагматически сильной позиции, автор напрямую обращается к читателю: *Werdent ir alles hie nach hören uff das kurtzeste begriffen* [Там же. С. 149]. В качестве средств адресации служат местоимение 2 л. и соответствующая глагольная форма. Адресация во 2 л. мн. ч. свидетельствует об авторской концепции читателя, как группового и неиндивидуализированного.

Адресату предисловия и романа, имманентному тексту предисловия (абстрактному читателю, далее адресату²), противопоставляется адресат, о котором сообщается как о первостепенном читателе романа

(конкретный читатель, далее адресат1): *Die aber ich zu eren und zu dinst des edlen Heren marggraff Rudolffs von hochberg Heren zu röttlen und zu susenburg myns gnedigen heren zu tütscher zungen gemacht und translatiert hab nach mynem besten vermogen <...>* [20. С. 148]. Из данного высказывания следует, что роман был создан для знатного лица, занимающего по сравнению с автором текста более высокое положение в обществе. Социальное неравенство автора и адресата1 подчеркивает форма референции в третьем лице, благодаря чему между данными коммуникативными инстанциями устанавливается дистанция. О неравном статусе можно говорить и на основе развернутого обозначения адресата при всех титулах, включая специальные клише, служащие для его возвеличивания и умаления на этом фоне субъекта речи (например, *myns gnedigen heren* / моего милостивого, благосклонного господина). Однако такой способ референции свидетельствует и о ритуализованных субъектно-адресатных отношениях, так как согласно этикетным нормам этого периода превосходство статуса адресата подчеркивалось намеренно [12. С. 36–37].

Предисловие к роману «Ein kurtzweilig Lesen von Dyl Ulenspiegel <...>» написано его автором-составителем, в роли которого выступил хронист из Брауншвейга Герман Боте (см.: [23]). Самая ранняя из сохранившихся версий романа представлена тремя изданиями Иоганна Грюнингера (1510/12 г., 1515 г. и 1519 г.). В настоящей статье анализируется предисловие издания 1515 г. (см.: [24]).

В начале текста автор знакомит читателя с обстоятельствами написания презентуемого романа. В связи с этим он называет временные координаты событий и представляет себя читателю: *Als man zalt von Crist Geburt 1500 bin ich, N., durch etlich Personen gebetten worden <...>* [Там же. С. 7]. Самореференция субъекта речи осуществляется в виде именной группы, состоящей из местоимения 1 л. ед. ч. и имени собственного, сокращенного до одной буквы. Положение субъекта речи во времени конкретизирует 1500 год от Рождества Христова, когда его, как он замечает, попросили написать роман. В остальной части текста субъект речи эксплицирован исключительно через формы местоимения 1 л. ед. ч. Реализация субъекта речи в данном тексте в качестве личного, но анонимного повествователя отвечает в целом характерной для художественной коммуникации этого времени тенденции к анонимности и демонстрирует пример текстового воплощения субъекта речи *ein paradoxes «Ich-vngenant»* [18. С. 25].

Изображенный в тексте субъект речи (нарратор, внутренний субъект) заявляет о себе как об авторе романа. Такой его статус утверждается также непротиворечивостью внутренней и внешней точек зрения. Однако по причине малоинформативности формы самореференции субъекта речи, в отличие от «Melusine», для данного текста невозможно открытое отождествление нарратора и конкретного автора предисловия и романа.

Заказчик произведения, его первоочередный адресат (адресат1), обозначается как группа лиц, лично

известных субъекту речи, но оставляемых им неизвестными для адресата2: *etlich Personen* / некоторые личности, особы. Большей частью адресат1 задается имплицитно: на основе отдельных лексических средств, используемых субъектом речи как исполнителем при описании ситуации заказа. Так, заказчик занимает по сравнению с ним более высокое общественное положение. О неравном статусе говорит то, что, по признанию субъекта речи, заказчик обещал ему за труд над составлением историй о Тиле Уленшпигеле свое благосклонное отношение, покровительство: *Für solich mein Müe und Arbeit wolten sie mir eer Gunst hoch erbieten* [24. С. 7].

В отличие от предисловия к «Melusine», в данном предисловии отсутствует прямое обращение субъекта речи к адресату2. Из средств эксплицитной адресации присутствуют средства, задающие дистантные, отстраненные субъектно-адресатные отношения: адресат обозначается как третье лицо, находящееся вне актуального времени-пространства субъекта речи. Так, первое средство адресации – местоимения, включающие возможность конкретно-определенной референции (универсальное местоимение *jederman* / всякий; близкое к универсальным как утвердительным местоимениям отрицательное местоимение *nieman* / никто; экзистенциальное *jeman* / кто-нибудь, кто-либо), а также местоимение слабой определенности *jetlich* (некоторый). Второе средство обозначения адресата – нереферентные именные группы с общеэкзистенциальным денотативным статусом (о денотативном статусе см.: [25]): *Nun allein umb ein frölich Gemüt zu machen in schweren Zeiten, und die Lesenden und Zuhörenden mögen gute kurtzweilige Fröden und Schwänck daruß fabulleren* [24. С. 7].

В предисловии присутствует целый ряд показателей имплицитного обращения субъекта речи к адресату2. Так, вышеприведенное высказывание содержит краткую жанровую характеристику произведения (ср. *allein umb ein frölich Gemüt zu machen in schweren Zeiten* / лишь для того, чтобы сделать веселым дух в тяжелые времена). Как отмечает М.А. Олейник, лексема *kurtzweilig* в составе паратекстовых элементов изданий в этот период времени выступала как своеобразный сигнал адресату о принадлежности произведения к легкой, развлекательной литературе [11. С. 33]. Указание жанра направлено в данном случае на то, чтобы сориентировать адресата в содержании и характере романа и, заинтересовав его, побудить к знакомству с произведением.

Конкретный автор-составитель предисловия к роману «Lalebuch» (см.: [26]), как и самого произведения, неизвестен. Текст предваряет надпись заголовка, в которой указывается функция предисловия как вступления, сообщающего причину и повод написания романа (Historie): *Eyngang in diese Histori / darinnen vermeldet / auß was Vrsachen vnd Anlaß solche beschriben worden* [Там же. С. 5]. В самом конце предисловия дополняет краткая надпись, в которой говорится о том, что далее следует сам роман: *Nun folget das Lalebuch* [Там же. С. 9]. Благодаря надписи, во-первых, маркируется граница между предисловием и

романом, во-вторых, инициируется начало романа: наречие *nun* конкретизирует презентную форму глагола *folgen* до инклюзивного презенса. Благодаря значению инклюзивного презенса, означающего совпадение действия с моментом речи, между субъектом речи, автором надписи, и конкретным читателем в момент чтения текста надписи устанавливаются отношения непосредственного контакта.

Субъект речи в предисловии ярко маркирован. Это связано, во-первых, с многократностью его обозначения в тексте (26 раз). В качестве средства референции каждый раз используется местоимение 1 л. ед. ч. По этой причине данное предисловие, по сравнению с предыдущим, в плане текстовой реализации субъекта речи как *ein paradoxes «Ich-vingenant»* оказывается наиболее показательным. Выразительность позиции субъекта речи задается также имплицитно на уровне модальности высказываний. В качестве средств, формирующих подчеркнуто субъективную модальность, выступают оценочные слова. Так, практически в каждом высказывании выражается определенное оценочное отношение к предмету референции, например, отношение к манере изложения информации о референте: *Mit einem Wort zu reden / es pflegt da solcher massen zu zugehen / als man in gemeinem Sprichwort saget: Viel Köpff viel Sinn* [26. С. 6].

Благодаря оценочной модальности повествование в данном предисловии приобретает сказовые формы, создается ощущение непосредственного диалога субъекта речи с адресатом. Таким образом, в данном тексте высока и степень имплицитного представления адресата. Один из двух имеющихся случаев эксплицитного изображения адресата демонстрирует следующее высказывание: *Da dann gewißlich / glaubt mir / deß Spiels der Edlen Lieb mit schönen Frawen / nit vergessen worden* [Там же]. В данном случае субъект речи, во-первых, высказывает оценку достоверности сообщаемого – высокую степень уверенности (маркер данного значения – наречие *gewißlich*), таким образом, адресат задается имплицитно. Во-вторых, субъект речи обращается к адресату (императив 2 л. ед. ч.). В самом конце текста, в прагматически сильной позиции, субъект речи снова обращается к адресату. Референция осуществляется при помощи местоимения 2 л. ед. ч. в дат. пад. и формулы *günstiger Leser* (благоклонный читатель).

Субъект речи так же, как и в предыдущих предисловиях, позиционирует себя в качестве автора романа. Однако такой его статус фиктивен. Подчеркнуто сказовая манера повествования и, главное, демонстрируемая за счет скрытых интертекстуальных ссылок внутренняя противоречивость самой истории, рассказываемой в предисловии, указывают на кардинальное несовпадение внешней и внутренней точек зрения. Так, служащая в качестве точки отсчета повествования дата, на которую субъект речи ссылается как на год установления великого и обширного королевства Утопия, является годом падения Рима: *Im Jahr von der Auffrichtung vnd Bestellung deß Großmächtigen vnnnd weitläuffigen Königreichs Utopien / 753 <...>* [26. С. 5]. Фиктивность истории подчеркивает и само название королевства, в

котором разворачиваются события, буквально означающее «место, которого не существует»⁹.

Как показал проведенный анализ, паратекст раннего немецкого прозаического романа, в частности тексты предисловий, можно считать показательным в плане разнообразия форм субъектно-адресатных отношений. В каждом из рассмотренных случаев субъект речи устанавливает с адресатом отношения специфическим и неповторимым образом. В ходе поочередного анализа средств и способов самореференции субъекта речи и референции адресата между текстами были выявлены как точки соприкосновения, так и расхождения. При опоре на них возможно представление обнаруженного многообразия форм субъектно-адресатных отношений в виде бинарных оппозиций по параметрам: 1. Самореференция субъекта речи. 2. Противопоставление внешнего и внутреннего субъектов речи. 3. Прямые / дистантные отношения субъекта речи с адресатом. 4. Степень имплицитной конкретизации субъекта речи и адресата. По первому параметру выделяются тексты, в которых самореференция субъекта речи осуществляется только через формы местоимения 1 л. ед. ч. («Lalebuch»), и тексты, в которых самореференция не ограничена названным местоимением («Melusine» и «Ein kurtzweilig Lesen von Dyl Ulenspiegel <...>»). При учете информативности средств самореференции в рамках последней группы выделяются еще две подгруппы: а) «Ein kurtzweilig Lesen von Dyl Ulenspiegel <...>», где самореференция малоинформативна по причине типичного для анонима сокращения имени до одной буквы; б) «Melusine», где самоназывание субъекта речи включает личное и родовое имена, а также место рождения. С первым параметром тесно связан второй, по которому друг другу противопоставляются, с одной стороны, предисловия к «Melusine», «Ein kurtzweilig Lesen von Dyl Ulenspiegel <...>» и, с другой стороны, предисловие к «Lalebuch». В первом случае отсутствует открытое противопоставление внешнего и внутреннего субъектов речи. В предисловии к «Melusine» их позиции изображаются как тождественные. Благодаря этому автор текста стремится доказать читателю правдоподобность сообщаемого им о романе в рамках предисловия. Во втором случае данные коммуникативные инстанции противопоставляются. Таким образом, автор текста формирует у читателя установку на условность истории, рассказываемой в предисловии, и опровергает утверждаемую в предисловии реальную основу событий романа. По третьему параметру противопоставлены, с одной стороны, «Melusine», «Lalebuch», где между субъектом речи и адресатом² устанавливается прямой контакт, и, с другой стороны «Ein kurtzweilig Lesen von Dyl Ulenspiegel <...>», где между субъектом речи и адресатом², а также адресатом¹ задается дистанция. Предисловие к «Melusine», при учете средств обращения только к адресату¹, также принадлежит ко второй группе. Под параметром имплицитного представления субъекта речи и адресата понимается позиция субъекта речи и / или адресата, не получившая в тексте непосредственной вербализации, но устанавлива-

емая на основе отдельных текстовых параметров. К текстам с высокой степенью имплицитного представления субъекта речи и адресата принадлежит, прежде

всего, предисловие к «Lalebuch», где субъект речи и адресат задаются оценочной модальностью высказываний.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В художественном (повествовательном) тексте сторону субъекта речи как отправителя речевого произведения репрезентируют как минимум инстанции автора, нарратора и персонажа, выступающего в роли говорящего; сторону адресата как получателя – соответственно инстанции читателя (конкретного и абстрактного), нарратора, персонажа, выступающего в роли слушающего. Ср. модель коммуникативных уровней В. Шмида [1. С. 24–25].
- ² См. также другие работы этого автора, например [11].
- ³ Данная исследовательская парадигма сложилась к 1990-м гг. и продолжает оставаться актуальной. В лингвистике текста, концепции которой развивались, как правило, на современном языковом материале, в последнее время требуется конкретизация на материале разных жанров и типов текста в ситуации немецкого языка.
- ⁴ Ср.: «народные книги» – тексты нейтральной зоны между рыцарским эпосом и бюргерским романом, которые по своим жанровым структурам могут быть описаны как «больше не» и «еще не» [18. С. 4].
- ⁵ Из этого следует проблема корпуса текстов, принадлежащих к жанру раннего немецкого прозаического романа. О разных корпусах см. [19].
- ⁶ О специализированных и неспециализированных средствах адресации см. [12]; также о функции датива в немецком языке для обозначения адресата см. [21].
- ⁷ Об эксплицитности / имплицитности выражения адресата и соответствующих средствах адресации см. [12].
- ⁸ Этой же установкой Тюринг фон Рингольтинген руководствовался при переводе романа. Как показало исследование Х.-Г. Ролоффа, от оригинального произведения немецкий роман отличается тем, что вместо изображения придворно-рыцарского мира главное внимание в нем уделяется приданию реалистичности и исторической правдоподобности описываемым событиям [22. С. 193–196].
- ⁹ Подробнее об интертекстуальных ссылках в предисловии и романе см. [26. С. 141–149].

ЛИТЕРАТУРА

1. Шмид В. Нарратология. М., 2003.
2. Schlieben-Lange B. Für eine historische Analyse von Sprechakten // Sprachtheorie und Pragmatik / hrsg. von H. Weber, H. Weydt. (Akten des 10. Linguistischen Kolloquiums. Bd. 1.) (Linguistische Arbeiten 31). Tübingen, 1976. S. 113–119.
3. Ansätze zu einer pragmatischen Sprachgeschichte: Zürcher Kolloquium 1978 / hrsg. von H. Sitta. Tübingen, 1980.
4. Аветисова Л.Н. Речевой ритуал в народной книге о Тиле Уленшпигеле (1515) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002.
5. Солдатова А.В. Директивные речевые акты в средневерхненемецком языке (на материале «Песни о нибелунгах», «Парцифалья» Вольфрама фон Эшенбаха, «Тристана» Готфрида Страсбургского) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004.
6. Корытцев М.В. Речевой эпизод и его прагматическая структура в древневерхнегерманском библейском эпосе в сопоставительном аспекте (на материале древнесаксонской поэмы «Хелианд», древневерхненемецкого извода евангельской гармонии Татиана и Вульгаты) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005.
7. Бирр-Цуркан Л.Ф. Единицы речевого этикета и их функционирование в средневерхненемецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007.
8. Пелевина Н.Н. Текстовая актуализация когнитивно-речевого субъекта в научной и художественной коммуникации (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2009.
9. Гронская О.Н. Субъект в фантастическом дискурсе (на материале немецкой сказки). СПб., 2012.
10. Бондарева Л.М. Фактор субъектной адресованности в текстах мемуарного типа («Литература воспоминаний» в свете прагмалингвистики) // Проблемы семантики и прагматики : сб. науч. тр. Калининград, 1996. С. 27–33.
11. Бондарева Л.М. Прагматика авторского комментария в текстах ретроспективной направленности // Коммуникативно-прагматические аспекты лингвистических исследований : сб. науч. тр. Калининград, 1999. С. 29–35.
12. Олейник М.А. Адресат и динамическая языковая картина мира: концепция взаимообусловленности : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ростов н/Д, 2006.
13. Admoni W. Historische Syntax des Deutschen. Tübingen, 1990.
14. Betten A. Grundzüge der Prosasyntax. Stilprägende Entwicklungen vom Althochdeutschen zum Neuhochdeutschen. Tübingen, 1987.
15. van Dijk T.A. Textwissenschaften: eine interdisziplinäre Einführung. Tübingen, 1980.
16. Brinker K. Linguistische Textanalyse. Tübingen, 1985.
17. Женетт Ж. Фигуры : в 2 т. М., 1998.
18. Müller J.-D. Volksbuch / Prosaroman im 15./16. Jahrhundert – Perspektiven der Forschung // Internationales Archiv für Sozialgeschichte der deutschen Literatur. Tübingen, 1985. S. 1–128.
19. Schnyder A. Das Corpus der frühneuhochdeutschen Prosaromane: eine tabellarische Übersicht als Problemaufriss // Eulenspiegel trifft Melusine. Der frühneuhochdeutsche Prosaroman im Licht neuer Forschungen und Methoden. Akten der Lausanner Tagung vom 2. bis 4. Oktober 2008. Amsterdam [u.a.], 2010. S. 545–556.
20. Thüring von Ringoltingen: Melusine. [In der Fassung des Buches der Liebe von 1587] / hrsg. von H.-G. Roloff. Stuttgart, 2000.
21. Баева Г.А. Падеж и падежное управление в истории немецкого языка. СПб., 1994.
22. Roloff H.-G. Stilstudien zur Prosa des XV. Jh. Die Melusine des Thüring von Ringoltingen. Köln, Bohlau, 1970.
23. Honegger P. Ulenspiegel. Ein Beitrag zur Druckgeschichte und zur Verfasserfrage // Forschungen des Vereins für niederdeutsche Sprachforschung: Sprache u. Schrifttum 8. Neumünster, 1973.
24. Ein kurtzweilig Lesen von Dil Ulenspiegel. Nach dem Druck von 1515. Mit 87 Holzschnitten / hrsg. von W. Lindow. Stuttgart, 2007.
25. Ладоучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. М., 1985.
26. Das Lalebuch. Nach dem Druck von 1597. Mit den Abweichungen des Schiltbürgerbuchs von 1598 und zwölf Holzschnitten von 1680 // hrsg. von St. Ertz. Stuttgart, 1993.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 27 ноября 2014 г.

SENDER-RECEIVER RELATIONSHIP IN THE EARLY GERMAN PROSE NOVEL (BASED ON NOVEL INTRODUCTIONS)

Tomsk State University Journal, 2015, 392, 27–33. DOI 10.17223/15617793/392/4

Ponamareva Nadezhda V. Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: nadezda_ponamareva@mail.ru

Keywords: sender-receiver relationship; sender; receiver; paratext; Early German prose novel.

The aim of the following article is to investigate peculiarities of an author's textual realization (as a sender S) and reader's description (as a receiver R) and to reveal models of the relationship between them. The novels *Ein kurtzweilig Lesen von Dyl Ulen-spiegel* <...> (1515), *Melusine* (1587) and *Lalebuch* (1597) (further abbreviated as *DU*, *M* and *L* correspondingly) became the research material. The particular objects of the investigation are novel introductions. The main part of the article describes the analysis of each novel introduction. Means of author's textual realization and receiver's description as well as their pragmatic potential are revealed. As a consequence, a conclusion is made that the paratext of the early German prose novel can be characterized by a variety of S-R relationship models. These models can be classified as binary oppositions answering the following parameters: **A**. Form of the reference of S to himself; **B**. Manifest opposition of a particular author as an outside S of the text to the inside S (narrator); **C**. Direct / distant relations between S and R; **D**. Degree of the implicit presentation of S and R. According to the **A** parameter the following texts can be identified: texts with the reference of S to himself by means of the forms of a personal pronoun *ich* (*L*) and texts where reference is not limited by only this means (*M* and *DU*). Hereby, taking into account the informative value of means of the reference, the latter group of texts can also be divided into two subgroups: a) *DU*, where the value of reference means is less informative due to the abbreviation of the personal name to one letter; b) *M*, where S is identified by means of at least personal and family names. By **B** parameter the introductions to the novels *M* and *DU* are opposed to the introduction to *L*. In the first case the author does not emphasize his disagreement with the narrator intentionally. Considering *M* introductions their positions are presented as identical. Thus, in the first case, the author intends to convince the reader of the truth of words said about the novel's plot; in the second case, to emphasize the fictitious nature of the story described in the introduction. By **C** parameter texts where S and R are in a direct contact (*L* and *M* with R2 as an abstract reader) are opposed to texts with indirect relations (*DU* and *M* with R1 as a concrete reader). **D** parameter regarding the implicit presentation of S and R is the position of S and / or R that has no direct verbalization in the text but can be determined due to its certain features. The introduction to *L* belongs to the group of texts with a high degree of implicit S and R specification due to the means of modality.

REFERENCES

1. Schmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2003. 312 p.
2. Schlieben-Lange B. *Für eine historische Analyse von Sprechakten*. In: Weber H. v., Weydt H. (eds.) *Sprachtheorie und Pragmatik*. Tübingen, 1976, vol. 1, pp. 113–119.
3. Sitta H. v. (ed.) *Ansätze zu einer pragmatischen Sprachgeschichte: Zürcher Kolloquium 1978*. Tübingen, 1980.
4. Avetisova L.N. *Rechevoy ritual v narodnoy knige o Tile Ulenšpigele (1515)*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [Speech ritual in the folk book of Till Eulenspiegel (1515). Abstract of Philology Cand. Diss.]. St. Petersburg, 2002.
5. Soldatova A.V. *Direktivnye rechevye akty v sredneverkhnenemetskom yazyke (na materiale "Pesni o nibelungakh", "Partsifalya" Vol'frama fon Eshenbakha, "Tristana" Gotfrida Strasburgskogo)*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [Directive speech acts in the Middle High German (based on The Song of the Nibelungs, Parzival by Wolfram von Eschenbach, Tristan by Gottfried von Strasbourg). Abstract of Philology Cand. Diss.]. St. Petersburg, 2004.
6. Koryshev M.V. *Rechevoy epizod i ego pragmaticheskaya struktura v drevneverkhnegermanskom bibleyskom epose v sopostavitel'nom aspekte (na materiale drevnesaksonskoy poemy "Kheliand", drevneverkhnenemetskogo izvoda evangel'skoy garmonii Tatiana i Vul'gaty)*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [Speech episode and its pragmatic structure in the Middle High German biblical epic in the comparative aspect (based on the Old Saxon poem Heliand, Old High German recension of the Gospel recension of the Gospel in Tatian's Harmony and in the Vulgate). Abstract of Philology Cand. Diss.]. St. Petersburg, 2005.
7. Birr-Tsurkan L.F. *Edinitsy rechevogo etiketa i ikh funktsionirovanie v sredneverkhnenemetskom yazyke*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [Units of speech etiquette and their functioning in Middle High German. Abstract of Philology Cand. Diss.]. St. Petersburg, 2007.
8. Pelevina N.N. *Tekstovaya aktualizatsiya kognitivno-rechevogo sub"ekta v nauchnoy i khudozhestvennoy kommunikatsii (na materiale nemetskogo yazyka)*: avtoref. dis. d-ra filol. nauk [Text actualization of cognitive-speech subject in the scientific and artistic communication (in the German language. Abstract of Philology Dr. Diss.]. St. Petersburg, 2009.
9. Granskaya O.N. *Sub"ekt v fantasticheskom diskurse (na materiale nemetskoy skazki)* [Subject in a fantastic discourse (based on the German fairy tale)]. St. Petersburg: SpbGIEU Publ., 2012. 192 p.
10. Bondareva L.M. *Faktor sub"ektnoy adresovannosti v tekstakh memuar'nogo tipa ("Literatura vospominaniy" v svete pragmatolingvistiki)* [The subjective address factor in the texts of the memoir type ("Literature of memories" in pragmatolinguistics)]. In: Zabolotkina V.I. (ed.) *Problemy semantiki i pragmatiki* [Problems of semantics and pragmatics]. Kaliningrad: Kaliningrad State University Publ., 1996, pp. 27–33.
11. Bondareva L.M. *Pragmatika avtorskogo kommentariya v tekstakh retrospektivnoy napravlenosti* [Pragmatics of the author's commentary in the retrospective orientation]. In: Zabolotkina V.I. (ed.) *Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty lingvisticheskikh issledovaniy* [Communicative-pragmatic aspects of linguistic studies]. Kaliningrad: Kaliningrad State University Publ., 1999, pp. 29–35.
12. Oleynik M.A. *Adresat i dinamicheskaya yazykovaya kartina mira: kontseptsiya vzaimoobuslovlennosti*: avtoref. dis. d-ra filol. nauk [Receiver and the dynamic language picture of the world: the concept of interdependence. Abstract of Philology Dr. Diss.]. Rostov-on-Don, 2006.
13. Admoni W. *Historische Syntax des Deutschen*. Tübingen, 1990.
14. Betten A. *Gründzüge der Prosasyntax. Stilprägende Entwicklungen vom Althochdeutschen zum Neuhochdeutschen*. Tübingen, 1987.

15. Van Dijk T.A. *Textwissenschaften: eine interdisziplinäre Einführung*. Tübingen, 1980.
16. Brinker K. *Linguistische Textanalyse*. Tübingen, 1985.
17. Genette G. *Figury: v 2 t.* [Figures: in 2 vols.]. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikov Publ., 1998.
18. Müller J.-D. *Volksbuch / Prosaroman im 15./16. Jahrhundert – Perspektiven der Forschung*. In: *Internationales Archiv für Sozialgeschichte der deutschen Literatur*. Tübingen, 1985, pp. 1–128.
19. Schnyder A. Das Corpus der frühneuhochdeutschen Prosaromane: eine tabellarische Übersicht als Problemaufriss. *Eulenspiegel trifft Melusine. Der frühneuhochdeutsche Prosaroman im Licht neuer Forschungen und Methoden. Akten der Lausanner Tagung vom 2. bis 4. Oktober 2008*. Amsterdam [u.a.], 2010, pp. 545–556.
20. Roloff H.-G. (ed.) *Thüring von Ringoltingen: Melusine. [In der Fassung des Buches der Liebe von 1587]*. Stuttgart, 2000.
21. Baeva G.A. *Padezh i padezhnoe upravlenie v istorii nemetskogo yazyka* [Case and case patterns in the history of the German language]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ., 1994. 172 p.
22. Roloff H.-G. *Stilstudien zur Prosa des XV. Jh. Die Melusine des Thüring von Ringoltingen*. Köln, Bohlau, 1970.
23. Honegger P. *Ulenspiegel. Ein Beitrag zur Druckgeschichte und zur Verfasserfrage*. In: *Forschungen des Vereins für niederdeutsche Sprachforschung: Sprache u. Schrifttum* 8. Neumünster. 1973.
24. Lindow W. v. (ed.) *Ein kurtzweilig Lesen von Dil Ulenspiegel. Nach dem Druck von 1515. Mit 87 Holzschnitten*. Stuttgart, 2007.
25. Paducheva E.V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu: Referentsial'nye aspekty semantiki mestoimeniy* [Statement and its relation to reality: referential aspects of pronoun semantics]. Moscow: Nauka Publ., 1985. 272 p.
26. Ertz St. v. (ed.) *Das Lalebuch. Nach dem Druck von 1597. Mit den Abweichungen des Schiltbürgerbuchs von 1598 und zwölf Holzschnitten von 1680*. Stuttgart, 1993.

Received: 27 November 2014